

Геннадий КАЦОВ (США)¹

ИЗ «ГРЯЗИ» ЮРОДСТВА – В КНЯЗИ

О поэтике писателя Эдуарда Лимонова

Боже мой! Куда ни убегай
Пули получать. Стрелять. Бороться.
Свой внутри нас мучает Китай
И глазами желтыми смеется...

Э. Лимонов, Кто-то вроде Лимонова...

Э. Лимонов – поэт, который лучше многих осознал, что путь к философическим прозрениям лежит не столько через тезис и антитезис, сколько через самый язык, из которого удалено все лишнее.

И. Бродский

Как-то я наткнулся на статью о суперагенте 007 Джеймсе Бонде. В ней речь шла о его родителях – Эндрю Бонде, шотландце из Аргайла, и Моник Делакруа из швейцарского кантона Во. О его службе командером в Королевском военном флоте и работе на британскую спецслужбу MI6; о его интересах, хобби, любви к «Мартини» и пистолету Walther PPK калибра 7,65 мм. В статье Бонд оказался абсолютно реальным, заслуженным красавцем-мужчиной, так что необходимости указывать Яна Флеминга, как создателя этого литературного персонажа, не было никакой. Мало того, речь шла о том, что герой «бондианы» и есть романтизированный образ самого автора-ловеласа. И Флеминг, и Бонд посещали одни и те же школы, предпочитали одну и ту же еду (яичницу и кофе), имели сходные привычки, им нравились одни и те же женщины, и, наконец, оба сделали похожую военную карьеру. Без сомнения, Бонд на фоне своего *кризйтора* выглядел гораздо живее и человечней.

В доме царили мерзость и запустение. Королева была голой. Кровать была двустворчатой. Королева перевернулась на другой бок.

Виталий стоял тихо. Глаза Маши остановились на церкви. Ах! – сказал князь. Нет что вы. Сереженька! – говорила кудрявая женищина... (Э. Лимонов, Русское. Текст.)

Списав из Википедии: «Эдуард Лимонов родился 22 февраля 1943 года в городе Дзержинске Горьковской области. Отец, Вениамин

¹ Информация об авторе опубликована в разделе «Редакционная коллегия» (стр. 4).

Иванович Савенко, родом из Воронежской области, рядовой внутренних войск МВД (позже окончил училище и стал офицером). Мать, Раиса Фёдоровна Зыбина, родом из Горьковской области...» – я подумал, а о ком, собственно, пойдёт речь? О провинциальном мальчишке Эдике Савенко из реальных послевоенных харьковских окраин, или о подростке Савенко из одноимённого романа писателя Лимонова? О «молодом негодяе» Эдуарде, крепко прилепившем к своей биографии псевдоним Лимонов, придуманный в Харькове художником-приятелем Вагричем Бахчаняном, или об Эдичке Лимонове – персонаже романов, от первого и самого нашумевшего «Это я, Эдичка!» до любого из более пяти десятков, им написанных?

... Жизни бешеный вьющийся дым
Мало пили. Некрепко вдыхали
Хорошо умереть молодым
Чтобы женщины плакать бы стали

Хорошо чтоб меня застрелил
Полицейский у края ограды
И апрель понимаете был
Или май – понимаете гады!

Э. Лимонов, Эти пары ликующих дней...

В современной русской литературе, то есть в созданном за последние лет шестьдесят корпусе художественных текстов на русском языке, Эдуард Лимонов, видимо, единственный крупный русский писатель, биографию которого можно поэтапно и в подробностях найти как в его поэзии, так и в прозе. То есть, перипетии «жизненного пути» лирического героя и его эпатазирующего автора совпадают. Это касается и трилогии о детстве и отрочестве («У нас была Великая Эпоха», «Подросток Савенко», «Молодой негодяй»), и написанных в иммиграции (США с 1974, Франция с 1980) стихотворений, романов и рассказов. И художественно-биографической хроники большевистских событий и будней сразу по возвращении в 1991 в Россию, после того, как Лимонов создает и возглавляет партию «нацболов» – российских национал-большевиков.

Ахматова после ареста Бродского заметила: «Какую биографию делают нашему рыжему». Лимонов не ждал милостей от природы, а «делал» биографию собственными руками, при этом фиксируя в художественной форме все её фабулы. Другое дело, что Бродский в дальнейшем от роли диссидента отказывался, да он им и не был, и о судебном процессе старался втуне не упоминать, занимаясь литературой плюс утверждением определенного имиджа и статуса – тем самым создавая собственный мраморный бюст в масштабе,

соразмерном им написанному и своему мифу. Лимонов же, трудясь над созданием героической биографии, настолько стал выдающимся революционером и партийным лидером, что литературные его достижения на этом фоне отошли в тень. Я просмотрел видеозаписи самых разных публичных встреч Лимонова за последние лет десять, и ни на одной, практически, ему не задают вопросов о литературе. Он показывает собственные книжки аудитории, рассказывает о них, но вопросы вдогонку – о Дугине и Егоре Летове, то есть товарищах по национально-большевистской борьбе, о тюремных отсидаках за революционные деяния и боевом пути, о неизбежной гибели проклятого капитализма и торжестве мирового пролетариата. Такую нынче биографию сделал сам себе «наш» поседевший брюнет, и это невероятно жаль: Лимонов – большой писатель, уникальный в русской литературе поэт, что, верится, в будущем станет главным, самым важным в статьях о нём в справочниках и энциклопедиях.

Память – странный суфлер. Почему-то всегда, когда я о нем вспоминаю, первым всплывает похмельное нью-йоркское утро, мы сидим на скамейке где-то на Юнион-сквер и курим джойнт. Подходит черный человек и просит затянуться, спрашивает: «А сами кто будете?» «Поэты», – отвечает ему Лимонов. «Понимаю. У нас тоже был великий поэт». «Кто?» – «Пушкин» (Алексей Цветков, «Прощай, Эдичка»)¹.

На протяжении десятилетий биография Лимонова складывалась в литературные тексты, которые одновременно становились авто(само)биографией. Понятно, здесь сразу убиваются два зайца: создание собственного автобиографического мифа и установка на подлинность авторского письма, на его искренность. Нечто подобное произошло и с Веничкой Ерофеевым после выхода в свет легендарной «Москва-Петушки»: автор и его литгерой стали неотличимы друг от друга. Текст в «поэме» выступал в таком откровенном, беззащитном нарративе по отношению к читателю, что у последнего не возникало никаких сомнений в алкоголизме и Венички, и его автора Венедикта. То есть, развивай (не развил!) Ерофеев эту тему подобий в разных направлениях, создавая не только новых героев, но стили письма и биографии, придумывая себе гетеронимы, русская литература получила бы своего Фердинандо Пессоа.

Нарцисс Лимонов – живая иллюстрация к классической фрейдовской работе «Введение в нарциссизм» – настаивает на собственной идентичности в любом созданном им литературном труде. Ерофеев же любит себя собой по-разному, в разных стилях и с разной

¹ Алексей Цветков, Прощай Эдичка. 20 февраля 2013 г. <https://ed-limonov.livejournal.com/666998.html>

степенью литературной индивидуальности, от «Записок психопата» до «Вальпургиевой ночи...» Но оба писателя в читательском сознании добились того, что они слились с ими же созданными литературными персонажами.

Допускаю, не стоило ставить рядом Лимонова и Ерофеева – не только потому, что сравнение, в рассматриваемом мною ключе, напрашивается само собой. Есть ещё одна причина: не знаю как Лимонов, но Ерофеев, похоже, был бы против такого соседства: «Мы придерживались правила: не обижать живых людей, – рассказывает Олег Лекманов, один из троих авторов недавно вышедшей биографии «Венедикт Ерофеев: посторонний», – понятно, что в связи с этим ограничением кое-что из рассказанного, прямо не использовали. Единственное исключение из живых – это Эдуард Лимонов, которого Ерофеев ненавидел, спустил однажды с лестницы, а, уже будучи при смерти, после онкологической операции, говорил: не могу читать Лимонова, потому что мне нельзя плевать. Вот это мы оставили, потому что Лимонов, если захочет, может за себя прекрасно постоять»¹.

В немалой степени они в писательских скандальных своих ипостасях похожи, отсюда естественно и отталкивание, как у частиц с одинаковыми зарядами. И даже то, что лирические герои и их создатели называют себя уменьшительными именами – Эдичка и Веничка – совпадение не случайное. Ибо (оставим Ерофеева в покое, о нем только что написана замечательная биография и в этих заметках не о нем речь) в случае с Лимоновым русская литература имеет дело с юродивым – и автором, и литературным персонажем – в том самом значимом, высоком смысле слова, имеющем свою историю и свои коннотации.

... Вспоминаю как ходила
Нахмурённая река
И погигельно бурлила
Отрешенная вода

Я сидел тогда с какой-то
Неизвестной мне душою
Ели мы колбасы с хлебом
Помидоры. Молоко
Ой как это дорого!..

Э. Лимонов, «Криком рот растворен старый...»

То, что Эдуард Лимонов на протяжении нескольких последних десятилетий реально присутствует в русской литературе – данность,

¹ Олег Лекманов: «Веничка Ерофеев расстался с любовью всей своей жизни из-за того, что выпил ее духи». «Комсомольская правда», 23 октября 2018 года.
<https://www.kp.ru/daily/26898/3942942/>

которую оспорить невозможно. Больше всего он известен как романист, и престижная премия им. Андрея Белого была вручена ему как прозаику (2002 год, за «Книгу воды»). Хотя первую известность, что бывает с романистами, Лимонов снискал как уникальный поэт (писать стихи начал с 1958 года), приобретя в числе своих почитателей, к примеру, Алексея Цветкова и Сашу Соколова.

«Я не только чувствую, что пишу пророческие фразы, я знаю: судьба избрала меня объявить будущее. Будет Вторая Россия: прибежище новой цивилизации, свободная земля обетованная» (Э. Лимонов, Другая Россия. Лекция 22, «Очертания новой цивилизации»).

При этом какие-то художественные тексты Лимонова вызывают омерзение, какие-то статьи, написанные в полемическом революционном задоре – недоумение, какие-то поступки – от жалости до сожаления. Запад, конечно, всем этим не удивить – после антиэстетизма романов типа «Пидор» (Queer, 1951) Уильяма Бэрроуза, или фашиствующего «Безделицы для погрома» (Bagatelles pour un massacre, 1934) Луи-Фердинанда Селина, тот же «Это я, Эдичка!» выглядел, скорее, этнографической редкостью, поскольку написан был в Нью-Йорке одним из «этих странных русских». Такое впечатление, что грязь окружающего мира, накопившуюся идеологическую вонь Лимонов впитывал, пропускал через себя с мазохистским наслаждением. При одном небольшом, но знакомом «но»: униженный, маленький человек с миссией нести правду и открывать-знать истину – через страдания, отчаяние, понимание беспотковости и мерзости бытия, через познание зла в себе и в окружающем. В вечном протесте наяву и в художественном мире: неприметный портё в доме нью-йоркского миллионера, измождённый грузчик, расторопный книгоноша, портной с замашками дворового хулигана, горделивый паж и придворный шут, который лихо и без боязни раскрывает власть имущим их истинные лица, мечтая стать первым. Главным. Главнокомандующим. Фюрером, добравшимся от сморчка-ефрейтора до вершин власти.

«Предсказания, предвидения, озарения щедро рассыпаны в «Дневнике неудачника». Многие осуществились, но не все. Я знаю, что вышел на последнюю финишную прямую жизни. Осталось выполнить несколько предсказаний программы: "...выстрелить в выпуклый, дряблый живот президента" или "...покушением на жизнь премьер-министра" посетить японский ресторан, где "...горячие салфетки, подогретое сакэ...". В том, что я ЗНАЮ свою судьбу, нет сомнений... Мне уготована смерть героя, а не случайной жертвы или обманувшегося любовника...» (Э. Лимонов, Анатомия героя).

Михаил Барышников на вопрос своего приятеля о поселившемся в Нью-Йорке Лимонове, мол, кто такой, ответил пренебрежительно: «Так. Ещё один русский». Безжалостен и Сергей Довлатов: «Снова о Лимонове. Он действительно забитый и несчастный человек. Бледный, трезвый, худенький, в мятом галстучке. Фигура комическая...»¹. Таким его запомнили и поэты-лианозовцы Холин и Сапгир, таким он остался в памяти тех, кому шил брюки, тем самым зарабатывая себе на жизнь в Харькове, Москве, Нью-Йорке, Париже... «Несчастный человек», с гортанью, набитой инверсиями, глоссолалиями, заформатываниями (заумь прозрений в духе Хлебникова), анафорами-причитаниями, парадоксальными, алогичными, искусственно и коряво, «как в жизни», выстроенными фразами, — но со своей неумной гордыней, с претензиями на роль ненасытного любовника и неоцененного романтика, с диатрибами по поводу осточертевших, гадких буржуа, и желчной, деструктивной критикой города и мира: *«Я был веселая фигура / А стал молчалив и бедняк / Работы я давно лишился / живу на свете кое-как / Лишь хлеб имелся б да картошка / солечка и вода и чай / питаюсь я малой ложкой / худой я даже через край / Зато я никому не должен / никто поутру не кричит / и в два часа и в полдню / зайдет ли кто — а я лежит»* (Э. Лимонов, *Я был веселая фигура...*).

И. Бродский писал в рецензии к стихотворной подборке Лимонова («Континент», №15, 1978 год): «Обстоятельством же, отличающим Э. Лимонова от обэриутов и вообще от всех остальных существующих или существовавших поэтов, является то, что стилистический прием, сколь бы смел он ни был (следует отметить чрезвычайную перенасыщенность лимоновского стиха инверсиями), никогда не самоцель, но сам как бы дополнительная иллюстрация высокой степени эмоционального неблагополучия — то есть того материала, который, как правило, и есть единый хлеб поэзии...».

Бродский писал это ещё до того, как назвать Лимонова «Свидригайловым от литературы». Лимонов в долгу не остался, обозвав нобелевского лауреата «поэтом-бухгалтером», на что Бродский бросил обидное: «Взбесившийся официант!», и в дальнейшем иначе, как Лимошкой, не называл. Уже после смерти Бродского, Лимошка в мемуарной прозе «Книга мертвых» разделал бывшего своего рецензента *post mortem* так, чтобы мало не показалось: «непревзойдённый торговец собственным талантом», «сушёная мумия», «ветхий Бродский» и т.д., и т.п. Короче, оксюмороном это можно было бы охарактеризовать, как «не оставил на покойнике живого места».

¹ Наталья Иванова, Сергей Довлатов—Игорь Ефимов. Эпистолярный роман. «Знамя» №5, 2001 http://magazines.russ.ru/znamia/2001/5/rec_iv.html

Подходящая личность для сценария к байопику о террористе, бунтаре, радикальном поэте и революционере. Оставалось только определить, кого в нём больше: Че Гевары, Рахметова или Раскольников? В любом случае, его биография может стать основой для написания развёрнутой притчи о том, как юродивый Эдичка-Лимошка, по стечению обстоятельств становится вершителем судеб; не проходным персонажем на задворках истории, а одним из действующих лиц на её авансцене.

В текстах агиографов юродивые XIV-XVII веков предстают и морально, и разумом разложившимися личностями. Понятно, что такое их поведение – ничто иное, как христианская святость, сокрытая под личиной безумия и безнравственности. Однако, стереотипная фраза «похаб ся творя» в агиографических описаниях даёт немало пищи для разгула читательской фантазии. Юродивый бесчинствует в храме, ходит нагой, бесится на рынке, уничтожая в пух и прах товар торговцев, «жрёт колбасу» в страстную пятницу, как поэт-классик и описывает – «блядям подаёт ананасную воду», то есть служит миру в такой вот своеобразной проповеди. К тому же, вводит ближнего в соблазн и грех осуждения, а нередко и жестокости.

Так св. Андрей Цареградский влезал в душу ближним и настолько третировал их своими выходками, что несчастные готовы были повесить его, зарезать, четвертовать и утопить одновременно. Нередко юродивого избивали до полусмерти, устраивали самосуды в духе известных в наше время судов Линча. И что же наш св. Андрей? Продолжал, как ни в чём не бывало, юродствовать, моля Господа о прощении людей, которых сам же искушал и подбивал на мерзость.

Посетивший Россию в XVI веке Сигизмунд Герберштейн пишет: «Юродивые ходили нагими, середина тела у них закрыта тряпкой, с дико распущенными волосами, железной цепью на шее. Их почитали и пророками. Явно обличаемые ими говорили: это по грехам моим. Если они что брали в лавке, торговцы ещё благодарили»¹.

По наблюдению Г. Федотова («Святые древней Руси»), «...появление святого юродивого по времени совпадает с угасанием княжеской святости... Юродивый стал преемником святого князя в социальном служении... Юродивые восстанавливают нарушенное духовное равновесие».

... Ибо что и за жизнь без греха
Что за жизнь
без печали по невинно убиенному

¹ Герберштейн Сигизмунд (1486-1566) – немецкий дипломат. Был в России в 1517 и 1526 г. Его «Записки о московитских делах» переизданы в сборнике «Россия XV-XVII веков глазами иностранцев». Лениздат, 1986 год.

царевичу Димитрию
на песчаных дорожках
в майском саду

Что за ночь
если не убивают Андрея Боголюбского
Если не находят его под крыльцом
что это за ночь тогда...

Э. Лимонов, Белый домик голубки...

Здесь речь идёт о святых князьях, почитание которых ведётся с первых лет христианства на Руси (Борис и Глеб). Князь воплощает в себе «не столько начало власти, сколько начало служения, являясь политическим... вождем мира». Святые князья чтимы личной праведностью (Михаил Черниговский), доблестью (Александр Невский), великомученичеством (Георгий Всеволодович, князь Владимирский). Они служат государству геройски и беззаветно. Уже после них приходят князья московские, которые государство строят, создав необходимые законодательные, исполнительные и полицейские институты.

С появлением в современной русской литературе писателей, призванных на роль святых князей, логично было ожидать явления в литературе святых юродивых. Пример служения Отечеству – удел шестидесятников. На первом месте, само собой, Солженицын. Здесь и мученичество (ГУЛАГ, затем годы в изгнании, заговор молчания на Родине), и доблесть, и святость. И готовность помочь в обустройстве России тем современникам-князьям, которые хоть не святые, но демократы.

Практически все писатели, покинувшие СССР в 70-80-х годах, окружены ореолом великомученичества. СЛОВО Бродского, Аксёнова, Синявского, Максимова, Войновича, Довлатова (до чего разных писателей можно объединить под одним этим стягом) – это СЛОВО было и пророчеством, и откровением, и истинной правдой. Лишь нескольких героев, оставшихся на родине, можно было бы зачислить в сей список: Высоцкий, Битов, Веничка Ерофеев, Искандер.

И зарождение (апокатастасис, возрождение) писателей-юродивых не заставило себя ждать: Юз Алешковский, Владимир Сорокин, поэт Константин Кузьминский – автор гигантской поэтической многотомной энциклопедии «У Голубой лагуны», который внешним своим видом был способен впечатлять блаженных, Игорь Яркевич, Дмитрий Александрович Пригов со своей «новой искренностью» («Граждане! Подметём с утра квартиру, откроем дверь на лестничную площадку и ветер свежих перемен ворвётся в жилище наше! Дмитрий Алексаныч»)...

Если к перечню «писателей-юродивых» добавить Лимошку, то с одним обязательным дополнением: Эдичка, в ранних своих стихотворениях и романах ставший объектом саморефлексии, собственной темой (как было отмечено выше, литературные произведения и биография писателя в высочайшей степени тавтологичны), по переезде в Россию отрекается от ипостаси юродства, заменив её на роль святого князя Эдуарда, доблестного мученика за народные права и идеалы. По отношению к известной исторической парадигме – вначале князя, затем юродивые, становление Эдички развивается в обратной перспективе, то есть из юродивого – в князи: *«Я обедал супом... солнце колыхалось / Я обедал летом... летом потогонным / Кончил я обедать... кончил я обедать / Осень сразу стала... сразу же началась <...> Сидя в трех рубашках и одном пальто / Пусто вспоминаю как я пообедал / Как я суп покушал еще в жарком лете / Огнемилом лете... цветочицем лете...»* (Э. Лимонов, *Элегия № 69*).

И сразу меняется его этикетное поведение (вместе с литературным стилем), которое призвано Служением – в том партийном ракурсе, в каком видит его бывший юродивый. В России Лимонов вещает, призывает, пророчествует. Читать это порой невыносимо.

«...России от Революции не отвертеться. Инстинкт самосохранения должен толкнуть её на Революцию. Революция должна быть очищением для одних, актом возмездия для других... Для здоровых и молодых – конфликт Революции – манна небесная. Для 2,8 миллиона беспризорных – манна небесная» (Э. Лимонов, *Другая Россия. Лекция 20, «Реставрация»*).

По Лимонову получается, что кровавого опыта пролетарской революции 1917 года России недостаточно. Ей сегодня необходимы именно такие тезисы: «Нам нужна Новая Россия. Так как мы – партия обездоленных людей, то нам нужна такая Россия, в которой кто был ничем, тот станет всем...» Разве такой России еще не было? По отношению к написанному им ранее, писатель-Лимонов сегодня сродни Юнне Мориц, из талантливой поэтессы переродившейся в агитатора, обличителя и эталонного квасного патриота, пишущего всё так же в рифму, но местами уже совсем неумело. Известный вопрос (правда, секрет Полишинеля): «Куда девается мастерство после того, как писатель становится идеологом?»

Логично на этом фоне выступает и постановка ребром вопроса о друзьях и врагах, о том, кто виноват? В 1995 году Эдуард Лимонов опубликовал в своей газете «Лимонке» две статьи – «Лимонка в хорватов» и «Черный список народов», за которые против «святого князя» было возбуждено уголовное дело. В статьях говорилось о существовании «плохих народов» и их «коллективной вине» перед

Россией. К «плохим» народам были причислены чеченцы, хорваты, латыши, чехи, а также ингуши и словаки. Лимонов выражал сожаление, что Иосиф Сталин не довел до конца депортацию кавказских народов, и заявлял об оправданности военных действий против представителей названных национальностей: «Убивать их можно».

Безусловно, это – дежавю к печальной истории о великом поэте Эзре Паунде, фашиствующем антисемите (Лимонов в антисемитизме, похоже, не замечен), закончившем свои дни затворником, а до этого проводшем лет десять в сумасшедшем доме. Его «Кантос» – вершины мировой поэзии; его коллаборационизм с нацистами – варварство по отношению к современным представлениям о гуманизме. История повторяется, и вовсе не хочется уделять здесь место Лимонову-трибуну, современному Лимонову-поэту, выступающему в рифмованных строчках против отвратительного Запада (как заметил А.Чехов, «в стихах можно писать о чем угодно, только не надо обличать дурных городских»), Лимонову-прозаику, политические тезисы которого в последних повестях и романах заменяют литературных героев.

Святой князь Эдуард – не наша сегодняшняя тема. Любопытно, что француз Э.Каррер в биографической монографии «Лимонов» сравнивает писателя с политическим деятелем Владимиром Путиным: оба – с рабочих окраин, росли в дворовой среде, оба стремились в столицу, как Д'Артаньян завоевывать Париж. Оба – авантюристы, не устающие прищипоривать жизнь и испытывающие судьбу нередко вопреки правилам безопасности и рефлексу самосохранения. Один оседлал Пегаса, но этого ему показалось мало, и последние четверть века он примеряет на себя шапку Мономаха. А другой никому её не отдаст и старцем в этой шапке помрет. Вот и весь сюжет, почти о двух капитанах. Вот и вся переводная цветная картинка – с поэтики на политику.

...Он живёт в незавидной квартирке со страдающей запоями певицей, шарит по собственным карманам, чтобы наскрести на кусок ветчины, и тоскливо размышляет, из каких еще воспоминаний можно слепить сюжет будущей книги. Потому что истина заключается в том, что он выдыхается, он распродал почти все свое прошлое и осталось только настоящее, а это настоящее – вот оно: радоваться нечему, особенно когда узнаешь, что этот ублюдок Бродский только что отхватил Нобелевку (Э. Каррер, «Лимонов», часть IV, «Париж 1980-89»).

Юродство Лимонова имеет отчетливые традиционно-национальные черты. Это и уменьшительно-ласкательное, уничижительное имя – Эдичка; и рассказы о себе в третьем лице, в стиле известной по «Борису Годунову» реплики из арии: «Обидели

юродивого, отняли копеечку». Обидели Эдичку, когда он приехал в Нью-Йорк, равно, как обижали до этого в Харькове и Москве, и будут обижать, после отъезда из Нью-Йорка, в Париже:

«Русский читатель-эмигрант в большинстве своем не понял, что среди воплей Эдички самый сильный – вопль индивидуума против засилия коллективов... (...) потому-то, мои глупые экс-соотечественники, и стоит, гордо красуясь в названии книги ЭТО Я, Я, Я, Я..., а последней фразой её автор избрал Я ЕБАЛ ВАС ВСЕХ..., ИДИТЕ ВЫ ВСЕ..., что его намерением было заявить о приоритете индивидуума, об опасности порабощения индивидуума коллективами...» (Э. Лимонов, Правдивая история сочинения «Это я, Эдичка», Париж 1989 г.)

Как ни странно, но если перевести эту цитату (обсценная лексика – неприменный атрибут в проклятиях и прозрениях юродивых) в хрестоматийную мольбу блаженного о спасении, о понимании, об эмпатии и сочувствии, о проклятии некрасивости, никчемности бытия с речитативом «пошто покинул» – проклятии всем, включая главного начальника на небесах, позволившего сотворить бестиарий на земле, то прозвучать это может, с известной поправкой на вовлечённый в монолог советский тезаурус, так: *«И белый вечер / и золотые городские трехдолгие фонари... / Господи! отведи руки твои... / Отведи в стороны. отведи ввысь / и будто путешествуя / забудь меня / Он так и сделал / Он будто путешествуя забыл меня... / и сколько оказалось сараев / школ. Пивных / сколько мерзких построек / сколько выявилось жутких людей / А ведь раньше не было / Эх забыл ты меня / Эх забыл...»* (Э. Лимонов, И белый вечер...).

Речь юродивого всегда корява, странно артикулирована, полна неясностей и недомолвок. В литературе (нередко Лимонов вспоминает о том, что ряд критиков относят его к «школе “трязного реализма”», и называет себя постмодернистом) это выражается в неопределенности высказывания, в обилии разнообразных повторов и плеоназмов, множестве ненужных пояснений, которые никак текст не проясняют. В этом, техническом, плане Эдичка однозначно постмодернист (деструкция на разных уровнях – орфографии и пунктуации, синтаксиса, логики построения образа, поэтической традиции, семантики, метра и ритма), и здесь понятен взаимный литературный, да и личностный интерес между Лимоновым и Сашей Соколовым: приемы постмодернизма были тщательно отработаны последним еще в раннем его романе «Школа для дураков» и стали основой позднего поэтического «Триптиха», опубликованного книгой в 2011 году в издательстве ОГИ (подробно на эту тему – в «Эмигрантской лире»: <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/katsov-gennady/2017-2-1>). В этом плане любопытен текст Эдички, в котором повторяется одна

и та же ситуация, с введением сюрреалистических элементов, по замыслу похожая на страшный сон, а по сути ставшая дурной бесконечностью — в той самой гегелевской терминологии, когда происходит неограниченный процесс однообразных, однотипных изменений, ничем не разрешающихся. Но они имеют смысл в литературно необработанной, казалось бы, речи юридического, который намерен повторами донести до слушателей/читателей не столько конкретную мысль, сколько свое видение предстоящего:

Жара и лето... едут в гости
Антон и дядя мой Иван
А с ними еду я
В сплошь разлинованном халате

Жара и лето... едут в гости
Антон и дядя мой Иван
А с ними направляюсь я
Заснув почти что от жары

И снится мне что едут в гости
Какой-то Павел и какое-то Ребро
А с ними их племянник Краска
Да еще желтая собака

Встречают в поле три могилы
Подходят близко и читают:
«Антон здесь похоронен — рядом
Иван с племянником лежат»

Они читают и уходят
И всю дорогу говорят...
Но дальше дальше снится мне
Что едут в гости снова трое
Один названьем Елифан
Другой же называется Егором
Захвачен и племянник Барбарис

От скуки едя местность изучают
И видят шесть могил шесть небольших
Подходят и читают осторожно:
«Антон лежит. Иван лежит
Ивановый племянник
Какой-то Павел и какое-то Ребро
А рядом их племянник Краска...»

И едут дальше дальше дальше...

Э. Лимонов, «Жара и лето... едут в гости...»

Юродство в литературе – такой же сакральный, скрытый жест, как и поведение святых юродивых в быту. К примеру, Василий Блаженный выливает в окно поданный царем напиток. Естественно, это вызывает недоумение и логичное желание государя наказать своего хамовитого шута. В дальнейшем символический поступок объясняется, и вскрывается его историческая, ясновидческая значимость: тем самым юродивый потушил в далеком Новгороде пожар. Если вернуться к биографии Лимонова и его стихам до начала 1990-х, то создаётся впечатление, что Эдичка, соглашаясь на самые низкооплачиваемые работы, позволяя себя унижать, вынося эту униженность и потерянность в стихотворные строчки, словно хочет, пропустив через себя боль и ущемив гордость, предупредить о чем-то читателя; на своём примере, растоптав и себя, практически, уничтожив, показать, как можно дойти до дна и выжить, подняться, стать.

Конечно, для этого необходим ряд личностных комплексов, равно как полноценности, так и неполноценности, и другая структура подачи текста по отношению к проживаемому, переживаемому и, нередко, эту личность калечащему. В случае Лимонова – редкий пример, когда эстетика письма настолько совпадает с этикой самого писателя: *«Жёлтая извилистая собака бежит по дорожке сада / За ней наблюдает Артистов – юноша средних лет / Подле него в окне стоит его дама Григорьева / Веселая и вколовшая два голубых цветка / Розовым платком нежным мелькая ныряя / Девочка Фогельсон пересекает сад / На ее полноту молодую спрятавшись тихо смотрит / Старик Голубков из кустов / и чмокает вслед и плачет беззвучно...»* (Э. Лимонов, Жёлтая извилистая собака бежит по дорожке сада...).

В ранних стихотворениях Лимонова герои часто едят и умирают, они окружены животными и людьми с именами собственными, которые ничего не говорят читателю. Само собой, здесь напрашивается тема влияния обэриутов на раннюю поэзию Эдуарда Лимонова, но та линия – скорее о гротеске, о философии абсурда и зашифрованных в стихах алхимических символах, о материально-телесном низе и иллюзорных реалиях мира – уведет нас от изначально заявленной темы святого юродства Эдички, как самобытного явления в современной русской литературе. Вероятно, не стоит сетовать на то, что, взяв на себя иную роль, Лимонов закрыл, практически, тему, хотя и продолжает писать стихи – иначе, по-другому, о другом.

Обойдемся без сослагательного наклонения: Эдичкой написаны стихи, только частично имеющие аналоги в русской поэзии, и как можно было бы развить эту линию – неизвестно. Здесь нет масок, к примеру, как в случае с Козьмой Прутковым, когда известна дистанция между пишущим(и) и героем, объектом и субъектом. И здесь нет

прямого, беспримесного единства, как в специфическом варианте Сергея Нельдихена, который являлся на встречи «Цеха поэтов» с морковкой в кармане пиджака, и с легкой руки Гумилева стал не только автором «глупой поэзии», но и глупым поэтом.

Глупости, наивности, навязчивости, антиэстетичности и бестактности... В поэтике Эдички – это сложившаяся, парадоксальная, как всегда у юродивых, целостная мировоззренческая система; прекрасно изложенная, выплеснутая, выблеванная, стилистически точная литература, прочитываемая на одном дыхании. Как и всё, что касается парадоксов, к ней необходимы свои ключи, чтобы стало понятным, зачем этот ларчик и что в нём. Один из таких ключей – святое юродство, которое в ранних стихотворениях Лимонова многое объясняет и почти всё, на мой взгляд, определяет на уровне одной судьбы и человеческой трагедии. Ad notam.

Нью-Йорк, 10-12 ноября 2018 года